

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 11

1981

Леонид РЕШЕТНИКОВ

СОСНОВЫЙ БОР ЗИМОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Леонид РЕШЕТНИКОВ

СОСНОВЫЙ БОР ЗИМОЙ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Леонид РЕШЕТНИКОВ

Леонид Васильевич Решетников родился в 1920 году в вятской деревне.

После окончания Уржумского педучилища работал в районной газете, а с 1939 по 1941 год проходил действительную службу на Дальнем Востоке.

С начала Великой Отечественной войны — на фронте в качестве артиллериста, связиста и танкиста, а после боев на Курской дуге — военного журналиста. Дважды ранен, награжден двумя боевыми орденами и несколькими медалями.

Окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и ряд лет работал корреспондентом газеты «Красная звезда» в различных военных округах и группах войск.

Последние двадцать пять лет живет в Новосибирске. Издал около тридцати сборников стихов и три книги прозы. За заслуги перед советской литературой награжден орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени.

За книгу стихов «Благодарение» удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

К ПОРТРЕТУ РОДИНЫ

Она светла, добра, прекрасна,
Как в первой молодости мать.
Ни красоты, простой и ясной,
Ни силы ей не занимать.

Румянец зорь. Загар пшеницы.
И, как в стальном венце, над ней —
Молниеносные зарницы
Электросварочных огней.

К лицу ей в будни, работающей,
Защитный цвет, как луг и лес,
И над просторами летящий
Платок лазоревых небес.

К лицу ей в праздник — полыханье
Над головою кумача,
И на параде — отблеск грани
Штыка стального у плеча.

ЭШЕЛОН СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Грохоча и воздух разрывая,
Весь прямой и красный, как плакат,
Он летел, на стрелках завывая,
Пятый день с восхода на закат.

А войне неделя исполнялась,
К Припяти придвинулась она.
И вдоль магистрали, нам казалось,
Вся страна стояла, вся страна.

(Мне и до сегодня это снится,
Как струятся мимо, вдоль путей,
Кверху запрокинутые лица
В ожиданье радиовестей.)

Уж пора б начаться наступленьям,
Черным дням смениться светлым днем.
И душа томилась нетерпеньем,
Полыхала молодым огнем.

Звякая нестреляною сталью
Предвоенных огневых систем,
Мчались мы,—
Текли холмы за далью,
Скоростью размытые совсем.

Между нар, струясь, текла солома.
Синь сквозила сквозь дверной пролет.
И казалось, время перелома —
Вот оно.
Лишь нас недостает.

НОЧНАЯ АТАКА

Прожектор, холодный и резкий,
Как меч, извлеченный из тьмы,
Сверкнул над чертой перелеска,
Помедлил и пал на холмы.

И в свете его обнаженном,
В сиянии дымном вдали
Лежали молчащие склоны
По краю покатой земли.

Сверкая росой нестерпимо,
Белесая, будто мертва,
За еле струящимся дымом
Недвижно стояла трава.

Стоял перелесок за полем.
И четким и плоским он был,
Как будто из черного толя
Зубцы его кто-то скроил.

Вся ночь, притаившись, молчала.
Еще не настала пора.
И вдруг вдалеке зазвучало
Протяжно и тихо: «Ура-а-а!»

Как будто за сопкою дальней
Вдруг кто-то большой застонал,
И звук тот, глухой и печальный,
До слуха едва долетал.

Но ближе, все ближе по полю
Катился он. И, как игла,
Щемящая ниточка боли
Сквозь сердце внезапно прошла...

А рядом — с хрипеньем и хрустом —
Бежали, дыша горячо,
И сам я летел через бруствер,
Вперед выдвигая плечо.

Качалась земля под ногами,
Моталась луна меж голов.
Да билось, пульсируя, пламя
На выходах черных стволов.

В КОНЦЕ ВОЙНЫ

Я это видел, помнится, в Литве,
Уже войны три года отстучало.
Три дня не спавший,
У леска, в траве,
Так полк храпел,— траву вокруг качало.

Полуденный сверху струился зной.
Вдали храпела пушка безголосо.
И в воздухе, настоящим сосной,
Как пули у виска, жужжали осы.

Был воздух, словно жидкое стекло,
Текуч и зыбок, как струя речная.
Кусты и травы — все за ним текло,
Никак за оком не утекая.

И, как на дне реки,
Под птичий щелк
Средь водорослей, вьющихся по склону,
Сраженный сном, лежал стрелковый полк,
На два часа от мира отрешенный.

Как будто в бездну провалился он.
И только гвозди, слева или справа,
Сияли с каблуков со всех сторон,
Как звезды, ливнем канувшие в травы.

Пыль до колен, как латы, на ногах.
Темнеют лица, словно из металла.
И руки, полускрытые в цветах,
По сторонам разметаны устало.

На коже их — окалина и чад.
И, вечными мозолями покрыты,
Они привычно на стволах лежат,
Тяжелые, как конские копыта...

...Давно прошла великая война.
Молчат до срока полковые пушки.
А мне и до сих пор еще видна
Та, вся в цветах, поляна у опушки.

Там спят солдаты, сдавшиеся сну.
Видны в траве, за чуть заметным следом,
Их ноги уходившие в войну,
Ладони рук, сработавших победу.

КОГДА ПОД ГРОМ ФАНФАРНЫХ МАРШЕЙ...

Когда под гром фанфарных маршей
Иль плач гармоники губной
Летели вспять теплушки наши
С полей Европы в край родной

И, на плетни склонясь косые,
Горячим светом тысяч глаз
На нас глядела вся Россия,
На всех путях встречая нас,

И лишь для нас светили звезды,
Цвели цветы, гремела медь,
И, становясь железным, воздух
Сам начинал уже греметь,—

Тогда, веселым, нам казалось,
Что, небывала и грозна,
Прошла и за спиной осталась
И впрямь последняя война.

ПО ДОРОГЕ В РОДНОЙ ПОЛК

Как долго собирался я к тебе,
Как долго шел я, путь одолевая,
Судьба в моей изменчивой судьбе,
Мой полк стрелковый, юность боевая.

В твоих походах довоенных лет,
Своим солдатским радуясь обновам,
В твои следы впечатывал я след
В песках Амура
Сапогом кирзовым.

С тобой —
Как от порога до крыльца,
Подвластный громовым твоим старшинам,
Прошел я от начала до конца
Сквозь всю войну.
И стал я за Берлином.

С тех пор я ветераном стал уже.
А сколько мест сменил ты, полк стрелковый!
И вот опять стоишь на рубеже,
Что вдоль Амура выгнулся
Подковой.

И я, полуседой, полуживой,
В своем плаще цивильном из нейлона,
Лечу с утра сквозь реактивный вой
Туда, где жил с тобой во время оно.

В вагоне,
Лоб ладонью подперев,
Сижу, гляжу
И вскакиваю снова,

Стремясь в окне, за купами дерев,
Увидеть промельк здания штабного.

Меня транспорт,
По стерне степной
Трясусь с майором в «газике» военном.
Меняется ландшафт передо мной,
И сам я изменяюсь постепенно.

Линяю,
Словно ящерка к весне,
Чтоб снова жизнь восчувствовать впервые.
И возраст расщепляется во мне,
Как на деревьях кольца годовые.

Та жизнь, она опять разделена
С одним тобой, одним тобой живая,
И чаша та не допита до дна,
Мой полк стрелковый, юность боевая!

ВОСПОМИНАНИЕ В КАЗАРМЕ

Та землянка, что мною отрыта,
Крышей крыта — подобьем корыта,
Обжита и ухожена мной,—
Нынче ветру сквозному открыта:
Нет ни окон, ни двери входной.

Между стойками нары просели,
Потолки продырявила течь.
И, наклонно стоящая еле,
Пошатнулась кирпичная печь.

А была нам сушилкой, родная,
И плитой, и камином была.
Отвалилась решетка резная,
Просочилась сквозь прутья зола.

Навсегда...
А в казарме, что рядом
Встала в ряд — не просохли углы,—
Нет ни нар,
Ни печей с их нарядом,
Ни ведра для угля и золы.

Блещут койки бельем и металлом,
Бьет из крана струя за стеной,
И от пола промытого
Талым
Пахнет снегом
И влагой речной.

И на койке солдатской счастливо
С батальоном дыша в унисон,
Все же я за дневальным ревниво
Проследить успеваю сквозь сон.

Как, свергая сонливости иго,
Он свои проверяет часы,
Вынимает какую-то книгу,
Неотросшие щиплет усы.

Вспоминаю себя, молодого,
Как дневалил я в этом полку.
Ветер выл за окошком ледово,
Примораживал дверь к косяку.

Вместе с кожей своей отдирая
Эту дверь,
Я выскакивал вон,
Ледяным антрацитом до края
Набивал проржавевший бидон.

Кочергой до рассвета шуруя,
За окошком я слушал пургу...
Не тоскую о том, не горюю.
Просто помню,
Забыть не могу.

В ПОЛКОВОЙ СТОЛОВОЙ

Ах, столовка полковая
С хлебозрезкой в проходной,
Что дымит, не уставая,
В будний день и выходной,

Где душа, ожить не чая,
В лютый холод, как сейчас,
Над борщом, над кружкой чая
Отходила. И не раз.

Поприникла, поужалась
Ты — за давнею чертой.
И внутри как будто малость
Стала меньше давней, той...

В зданье на две половины,
В той столовке полковой,
Я взгрустнул не без причины
Нынче,
Сникнув головой.

Тридцать лет тому, не менее,
Трижды в день, хваля удел,
После маршей иль учений
Я с дружками тут сидел.

Десять гавриков сидели
За столом в одном ряду,
В десять ложек кашу ели,
Возносили ту еду.

Десять чубчиков подбритых —
Разных лиц, имен, судьбин...
Девять кануло, убитых.
Я — живой, из всех — один.

Не теки, слеза, изменно
Вдоль щеки, не выдай нас.
Жизнь идет.
Другая смена
За столом сидит сейчас.

Ничего не вспоминает
И не думает о том.
Знай рубает — дело знает,
Пот стирает рукавом.

Ем и я, скребу по днищу
Той кастрюли...
Только вдруг
Застревает в горле пища,
Ложка валится из рук.

РАЗГОВОР С МОИМ СЫНОМ

Грань штыка ножевого,
А не из дому — сор,—
Это трудное слово,
Наш прямой разговор.

Бьет он хлестко и резко,
От плеча до седла:
— Вам — по сорок с довеском,
Ваше дело — зола.

Ваша участь — история:
Ордена, ордена
Да ошибки,
Которые —
Тоже ваша вина.

Словом, вышли из моды вы,
Как соха меж дорог,
От стихов ваших одовых
До солдатских сапог.

Потому-то нам в паре
Не пахать этот пар:
Ваша кляча — с базара,
Наш рысак — на базар...

Так он рубит с размаху,
От плеча до плеча,
Без сомненья и страха,
Как по гробу стуча...

Что ж, тот суд, он — не новость,
Хоть подобен ножу.
Как велит моя совесть,
Я ответ свой держу:

— Рано вы нас хороните,
Отчисляя в запас.
Рано травку бороните,
Что взойдет после нас.

Мы — не жниво,
А нива,
А деревья в бору,
Что стоят неклонливо,
Паруся на ветру.

Говорим полным голосом,
Словом зря
Не соря.
Закуржавели волосы,
Как леса декабря.

А на лицах —
Их славлю! —
Как на бронзе коры,
Свои шрамы оставили
Времени
топоры.

Не морщинки, по возрасту,
А как в поле,
Видны:
То — за трактором борозды,
То — траншеи войны.

Прохудились ботинки
В громе первых атак.
Было небо с овчинку —
Было так.
Было так.

Вся броня — гимнастерка,
И обойма — пуста...
Как бы ни было горько нам,
Наша совесть чиста.

Пусть бывали мы преданы
Нашей трудной судьбой, —
Свою Родину преданно
Прикрывали собой.

В громе схваток и в пламени,
В гуле праздничных дней, —
Свято верили знамени —
Главной вере своей.

И от вас мы не тления:
Словопрения — дым, —
А того же горения,
Той же веры хотим!

Чтоб не нас вы свергали бы —
Языку горячо! —
А на наше, за даями,
Опирались плечо.

Потому что покуда
Вы — для пуль только медь,
Мы же — гильзы,
Откуда вам
Лететь и лететь!

НИЖНЕЕНИСЕЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Пейзаж этот строг, как гравюра:
На желтом песчаном мысу —
Три жерди, обтянутых шкурой,
Над шкурой — дымок на весу.

И рядом, откинувши полог,
В песке, отпечатав следы,
На фоне зазубренных елок
Три ненца стоят у воды.

Молчат. Лишь в глазах их раскосых
Чуть видимы вспышки огня.
Их красные ленточки в косах —
Индийских уборов родня.

Одежды их грубы и просты.
Уста их не ведают лжи.
В ножнах поясных из бересты
Охотничьи дремлют ножи.

И с весел, закинутых заплечь,
Горя на закате, струя
Стекает — за каплею капля,
Как кровь с боевого копыя...

УТРО В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ

Как прекрасен рассвет в этой пуще,
Когда солнце, сырое на вид,
Разгораясь все пуще и пуще,
Меж стволов в поднебесье летит.

В этот час еще в чаще росисто.
Осыпается в травы роса.
И по травам с шипеньем и свистом
Где-то рядом проходит коса.

Где-то рядом ликует зарянка.
И светило вдоль мшистой тропы,
Словно струны из липовой дранки,
Ставит походя света снопы.

Прорываясь сквозь сосны и ели,
Эти струны — звучащая медь —
На проснувшейся виолончели
Начинают, колеблясь, звенеть.

И, как отзвук той музыки дивной,
За туманом сокрытый от глаз,
Раздается глухой и призывный
Трубный глас, повторенный не раз.

И не знаешь в рассветной той рани,
Озирая деревьев кружок,
То изюбр протрубил на поляне
Или егерь в свой дунул рожок...

Снег давно уж засыпал то лето.
Но и нынче под сердцем звенит
Эта музыка звуков и света,
Этот день, восходящий в зенит.

ПО ДОРОГЕ НА КАЛИНИНГРАД

Якову Слониму

Ехали мы по дороге —
Помнишь? — с тобою вдвоем.
К морю кренился отлого
Белых полей оком.

Чуть заштриховывал иней
Или текучий снежок
Красное солнце и синий
Ельник, и серый стожок.

И за холстинами пашен
Снегом укрытой земли
Контурь шпилей и башен
Плыли, темнея, вдали.

Занавес снега и света,
И на весь свет — тишина.
И не подумать, что где-то
Здесь проходила война.

Землю рвала что есть силы,
Лес изводя на дрова.
И поднимались могилы,—
Их укрывала трава.

После снежок укрывал их.
Вновь он лежит средь зимы.
Где-то на этих привалах,
Друг, поседали и мы.

Что же, и мы с тобой ляжем
В срок свой. И станем, как дым.
Только об этом не скажем
Вслух,— про себя помолчим.

Едем, покуда дорога
Стелется, снегом пыля...
Падает тихо и строго
Розовый снег на поля.

ПРОЩАНИЕ С СЕВЕРОМ

Вот и остались за дымкой заката,
За пароходной бегучей волной
Берег твой, север, седой и покатый,
Лес, протянувшийся черной стеной.

Бег по увалам дорожек окольных,
Под морозящими тучами — луг,
Белая дранка шатров колокольных,
Вдруг возникающих из-за излук.

Первым морозцем побитые травы,
В избах вечерних — живые огни,—
Все переезды и все переправы,
Все навсегда уходящие дни...

В дни, когда молод я был и беспечен,
Я полагал, что, согласный со всем,
Свет этот вечен, и я на нем вечен,
И не спешил я прощаться ни с кем.

Нынче со всем расстаюсь я, горюя,
Даже с тропой, где ступил невзначай.
И, расставаясь, теперь говорю я
Не до свиданья уже, а прощай...

Рощи берез, головами качайте,
Нивы, всходите,— да будет что жать!
Не до свиданья, прощайте-прощайте,—
Вам оставаться, а мне уезжать.

Новой листвою затрепещут дубравы,
Ливни прольются в преддверии дня.
Но эти вешние ветры и травы
Будут шуметь вдалеке от меня.

КЛУБИТСЯ ПАР В ГОРАХ

Клубится пар в горах — предвестие рассвета.
Сгущается туман, подползший под окно.
Лишь в стороне торчат верхушки бересклета,
Как мачты корабля, осевшего на дно.

Клубится пар в горах. За воротник струится,
Стекает, словно сок арбузный по ножу.
Иду на ощупь вниз, рискуя оступиться,
Кусты, как гладь реки, руками развожу.

За белой пеленой невидимая птица
Чиликает вверху, роняя сверху вниз,
Как капельки воды, готовые разбиться,
Стеклянные звонки — на каменный карниз.

А душиный пар плывет. Как молоко, дымится.
Как тот костер в лугах, что я когда-то жег.

И видятся опять родные с детства лица,
Густой туман в лугах, берестяной рожок.

Идет рассвет в горах, медлительный и длинный.
Покуда знойный день не вымахал в зенит,
Весь этот светлый мир, нагорный и долинный,
Играет на рожках и в бубенцы звенит.

Он, рановстайке, мне — за ранний час награда,
Отрадная вдвойне о дне грядущем весть.
И от него сейчас мне ничего не надо:
Мне просто хорошо, что он на свете есть!

У ВОДОПАДА УЧАН-СУ

Гр. Федосееву

Средь скал, ничтожны и малы,
Прильнув к ребру ограды,
Смотрели мы из-под скалы
На чудо водопада.

Поверх
Летящей вверх сосны
Кидая в пропасть тело,
Отвесно,
С каменной стены,
Стена воды летела.

Упав на каменные лбы,
Кидалась вверх обратно.
И гром воды, как гром пальбы,
Гремел окрест стократно.

И, как на мельнице мука,
Пыль в воздухе летела,
И от нее моя щека,
Мокрея, холодела.

И по щеке, совсем одна,
Некстати, средь гулянья,
Ползла, тепла и солона,
Слеза воспоминанья.

В Крыму, на каменной земле,
Где водопад крутился,
Я вспомнил мельницу в селе,
Где я давно родился.

Леса, да нивы, да трава,
Да мельница средь дола.
На два неспешных постава
Она муку молола.

Крутилось еле колесо,
Вода с него стекала.
Но для меня, мальчонки, все
Гремело и сверкало.

Плясал помольный камень — смесь
Шарманки и точила.
И я, в муке и брызгах весь,
С утра торчал в бучиле.

Катилась с плеч моих вода.
И, верно, не напрасно
Я думал, праведник, тогда,
Что жизни нет прекрасней.

Сюда с лугов из-под руки
Отец и мать смотрели.
И дед с погоста, у реки,
Держал меня в прицеле.

Я спал в траве. Вокруг шмели,
Гудя, цветы качали...
Вся жизнь моя (теперь — вдали!)
И жизнь родительской земли,
Как в снах, в цветочной той пыли
Была еще вначале.

СВИДАНИЕ

Какая грустная отрада,
Какая сладкая печаль —
Узнать за пряслами ограды
Дом, что манил тебя сквозь даль.

Где утром в окнах — свет от печки,
И над крыльцом свистит скворец...
Уже не встретят на крыльчке
Ни мать, как раньше, ни отец.

И потому, обняв сестренку,
Лицом похожую на мать,
Я про родимую сторонку
Спешу речам ее внимать.

Потом по кладбищу, аллеей,
Иду, чтоб свидеться с отцом.
А после — в поле, где, алая,
Закат пылает над овсом.

А после в сумерках лиловых,
Пока в лугах луна встает,
Иду неспешно в туфлях новых
Туда, где музыка поет.

Там, в городском саду, у речки,
Где нам, немало лет назад,
Дарили девушки колечки,
Сейчас их дочери сидят.

Глядят на лунный круг под кручей,
Сирени щиплют лепестки,
Полны безмерной тайны жгучей
Их полувздохи и смешки.

С небес, исполненных сияний,
На них луна струит свой свет.
И до моих воспоминаний
Им никакого дела нет.

НАД ФОТОГРАФИЕЙ ОТЦА

Высокий, веселый, прямой,
Прищурясь знакомо,
Пришедший со службы домой,
Стоит он у дома.

Стоит, опершись о плетень,
Играя фуражкой.
Обнял гимнастерку ремень
С солдатской пряжкой.

Двух войн буревая волна
Прошла по дорогам.
А новых забот времена —
Еще за порогом.

Во взоре распахнутых глаз —
Отвага и сила,
И та доброта, что не раз
Нам после светила.

А были и град и огонь
В известную пору.
И помню его я ладонь
Как дар и опору...

На фоне леска, словно дым,
При ивовом тыне,
Его молодым-молодым
Я вижу поныне.

Таким, что себя уж давно
Не помню, признаюсь.
А он — будто гляну в окно —
Стоит, улыбаясь.

Тем горестней мне оттого
Знать истину эту,
Что рядом со мною его
Давно уже нету.

О МАМЕ

Звенит за простенком синица,
Играет в свистульку-дуду.
А мне, поседевшему, снится —
Я, маленький, с мамой иду.

В платочке и кофте цветастой,
Она, молодая на вид,
Ко мне наклоняется часто
И что-то, смеясь, говорит.

И я, карапуз пятилетний,
Иду по тропе полевой.
И день, беспредельный и летний,
Плывет над моей головой.

Звонят за пригорком к обедне —
Так маковка церкви видна.
И звук тот, округлый и медный,
Плывет, за волною — волна.

Бегут облака кучевые.
Весь мир голубой на виду.
Обутый в ботинки впервые,
Я в гости впервые иду.

И мама, платок поправляя,
Взяв шпильки в смеющийся рот,
Идет молодая,
Живая,
Веселая.
Рядом идет.

ВСТРЕЧА

Сестре моей Зое

Ехал я в гости к сестренке:
С давних не виделась пор!
Вечером, съехав с бетонки,
«Газик» вкатился во двор.

Белые фары машины
Всвечили у стены
Черные кисти крушины,
Красный костер бузины.

Домик обшитый. Крылечко.
Ставни с нехитрой резьбой.
От протопившейся печки —
Жиденький дым над трубой.

И, отстраняя ладошкой
Режущий свет от лица,
Женщина корм из лукошка
Курам бросает с крыльца.

Легонький плащ и носочки,
С кормом сухая рука.
Выбилась из-под платочка
Легкая прядь у виска.

В пряди той — первая малость
Снега. И складка у рта.
В ровных движениях — усталость,
И доброта, доброта...

Вспомнил я детскую пору —
Давние, древние сны,
Как петушки без разбору
Пели в начале весны.

Как выносила им сечку
Мама, убрав со стола...
— Мама! — шагнул я к крылечку.
...Это сестренка была.

Я ВИДЕЛ ГРУСТНЫЙ СОН

Я видел грустный сон.
Смотрел его скорбя.
О том был этот сон,
Что будто нет тебя.

Он был, как вид в окно.
Чуть-чуть расплывчат был.
Как жизнь в немом кино,
Перед глазами плыл.

Вверху, сквозь тонкий дым,
Луны светился круг.
И воздух, недвижим,
Безмолвствовал вокруг.

Стоял в молчанье лес,
Не двигалась вода.
И с высоты небес
Не падала звезда.

И я не мог понять —
Был не отчетлив сон, —
Уж не был ли — как знать! —
На Марс я занесен.

Иль по земле война
Прошла, оставив след...
Давила мысль одна —
Тебя со мною нет.

Тебя со мною нет,
Нет глаз твоих и губ.
Мир простирался, сед,
Не прибран, наг и груб.

К глазам прижав ладонь,
Глядел я в тень небес,
На белый звезд огонь,
На этот мертвый лес.

Среди пустынных скал,
Пока хватало сил,
Я все тебя искал,
Откликнуться просил.

Но лишь струился дым,
Луны светился круг,
И воздух, недвижим,
Безмолвствовал вокруг...

...Прости мне эту грусть,
Как делаешь давно,
Желанье это —
Пусть
Кошунственно оно —

Поскольку в мире нет
Тебя, мой милый друг,
Покинуть белый свет
Мне захотелось вдруг.

О камень — головой
И, не открывши век,
Как камень горевой,
Окаменеть навек.

ИСПОВЕДЬ

— Живи хоть два столетья, но
Не заживай чужого века.
Не заедай, как червь зерно,
Судьбы другого человека.

И женщина войдет в твой дом,
Самой судьбы благословенье!..—
Не раз, бывало, мать о том
Мне пела по обыкновенью.

И не ошиблась. С давних дней
Идет сквозь жизнь со мною вместе
Мой друг и мать моих детей,
Моя жена, моя невеста.

Дарованная мне судьбой,
Мое везенье и отрада,
Всечасно жертвуя собой,
Она не требует награды.

Всю жизнь — любовница моя,
Заступник мой, когда мне туго,
Всю жизнь — работница моя,
Всю жизнь — печальница моя,
Всю жизнь — начальница моя,
Моя хозяйка и прислуга.

Всю жизнь я благодарен ей.
Но места вдруг не нахожу я:
Что если, в слепоте своей,
Я заедаю — жизнью всей —
Ту жизнь, мне вовсе не чужую?

ОПЯТЬ Я В РОДНОЙ СТОРОНЕ...

Опять я в родной стороне,
Рассвет среди поля встречаю.
И розовый куст иван-чая
Кивает приветливо мне.

Летят над тропкою стрижи,
Картошка цветет, чуть привяла.
И тропка, сбегая с увала,
Теряется сразу во ржи.

А рожь — на загар и на стать,
Какой не бывало, признаюсь:
Стеблей не разнять, продираясь,
Колосьев рукой не достать!

Стеной у тропы на краю
Стоит она — волны протяжно
Идут, — словно думают важно
Державную думу свою.

Вот брызнул сквозь тучку рассвет,
И липой поддуло сладкой.
И солнце над розовой Вяткой
Встает, как и тысячи лет.

Земля среди речек и рек,
Рассвет над землею родимой —
Все те ж. Но, легко уловимый,
И здесь отпечатался век.

И след тот нетрудно найти:
И песни, хоть мне дорогие,
Поются сегодня другие,
И люди другие в пути.

И многих товарищей нет,
А те, что и есть, — побелели.
Да что уж, и мы — в самом деле —
Не те, хоть и держим ответ...

А все ж нет превыше наград,
Чем эта, что нынче приемлю, —
Увидеть родимую землю,
Что кинул лет тридцать назад.

Я кинул ее, а она,
Как мать, приняла и простила,
И снова меня приютила,
До гроба верна мне одна...

Иду среди родимых полей,
Дышу их дыханьем, немея,
И глаз оторвать не посмею
От родины милой моей.

У ней у одной на виду,
Готовый на радость и горе,
Иду среди зеленого моря,
Веселый и грустный, иду.

Как будто сквозь сердце ее,
Шагаю сквозь россыпь росы я...
И милая сердцу Россия
Проходит сквозь сердце мое.

СОСНОВЫЙ БОР ЗИМОЙ

Сосновый бор зимой —
Литых стволов колонны, —
Вдоль кручи, по прямой,
Встающих наклоненно.

В него таинствен вход...
На нем из снега шапка.
И круглый неба свод
Он подпирает шатко.

В нем тихо и светло.
И, глядя, как в оконце,
Меж туч,
Свое весло
В снегу купает солнце.

Но вот свежак дохнул,
Махнул полой бурана.
И прокатился гул
Вдоль медных труб органа.

Гудят его басы,
Начавши представленье.
Идут стволы, босы,
Как в светопреставленье.

Победный клич трубы,
Паденье крон и стоны.
Перед лицом судьбы
Стоит он испугленно.

Но тихнет крик совы,
Стихает рев марала.
В проемах синевы
Кружится снег устало.

И снова лишь одна —
Ни шороха, ни треска —
Сгустилась тишина
От шапок до подлеска...

Ах, этот гордый бор,
Веселый иль угрюмый,
Он, видно, с давних пор
Назначен для раздумий.

Стоят в нем в полный рост —
Вот так всегда и мне бы! —
Молчание до звезд
И музыка до неба.

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ

Звенел, исполненный печали,
Тоскливый крик среди полей.
То плыл вверх, в небесной дали,
Клин улетающих журавлей.

Упрямо грудью раздвигая
Небес тугую синеву,
Он шел, за тучи задевая
И пух роняя на траву.

В стерне, как снег, перо белело...
И вдруг среди солнечного дня
С той стороны, где пролетел он,
Пахнуло стужей на меня.

Как будто клин тот, по приметам,
И впрямь раскрыл, звеня трубой,
Ворота меж зимой и летом,
Забыв закрыть их за собой.

НА ОПУШКЕ ЛЕСА

Застыл я в изумлении,
Стою:
Еще вчера
Была мокреть осенняя,
Сегодня — снег с утра.

Где листья смутно ржавели,
Сейчас, как свет, чисты,
Искрятся, окуржавели,
Деревья и кусты.

Как будто в небо прынули,
В пределы высоты,
Дымы вдали,
Фонтаны ли,
Фазаньи ли хвосты...

И все ж —
В столпотворении
Тех красок —
Мне видна
Одна, чуть в отдалении,
Стоящая сосна.

Не то чтобы угрюмая
Она,
Но — в стороне,
Как будто думу думает,
Не чуждую и мне.

Иду в закат сгорающий,
У той сосны стою,
Пока она видна еще
У поля на краю.

Пока, светлея обликом,
В седую даль полей,
Она плывет, как облако,
Над головой моей.

МОЙ ВЕК

Пусть век мой недолог...

А. Межиоров

Нет, век мой не краток,
Хоть мог бы и кратким он быть:
Сам воздух был шаток,
Грозил, разорвавшись, убить.

А сколько металла,
Свистя, грохоча и звеня,
В округе упало,
А частью попало в меня.

И после — пороша
Иль солнце — но, времени бег,
И чаша и ноша
Твои провожали мой век.

И та ли забота —
Работать иль пир пировать,
Бывала работа —
Погодков земле отдавать!

Молчал и грустил я.
Любил я. И сам был любим.
И все еще в силе
То чувство — не стало, как дым.

И — прост я, не прост ли —
Три жизни сложилось во мне:
До битвы. И после.
И целая жизнь на войне...

Был век мой не краток.
И знал я, поэт и солдат,
Ту жизнь от палаток
Войны до больничных палат.

И время прощаться,
И время готовить слова:
— Мне жаль расставаться
С землей, где цветы и трава,

Где близкие люди
И свет предвечерний в избе...
Меня здесь не будет,
Но я благодарен судьбе,

Что мир этот росный
И мне посетить довелось,
И в час его грозный
Я был с остальными не врозь,

Что жизни остаток
Был прожитой жизни под стать.
И век был не краток,
Хоть мог бы и кратким он стать.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К портрету Родины	3
Эшелон сорок первого года	3
Ночная атака	4
В конце войны	5
Когда под гром фанфарных маршей...	6
По дороге в родной полк	7
Воспоминание в казарме	8
В полковой столовой	9
Разговор с моим сыном	11
Нижнеенисейский пейзаж	13
Утро в Беловежской пуще	14
По дороге на Калининград	14
Прощание с Севером	15
Клубится пар в горах...	16
У водопада Учан-Су	17
Свидание	18
Над фотографией отца	19
О маме	20
Встреча	21
Я видел грустный сон	22
Исповедь	24
Опять я в родной стороне...	25
Сосновый бор зимой	26
Журавли летят	27
На опушке леса	28
Мой век	29

Леонид Васильевич Решетников

СОСНОВЫЙ БОР ЗИМОЙ

Редактор Д. К. И в а н о в.

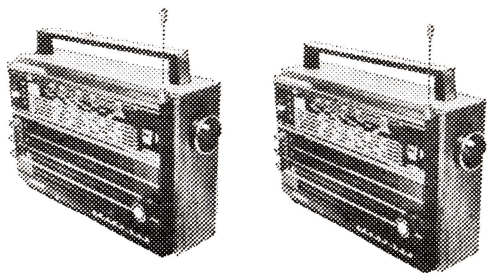
Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а.

Сдано в набор 28.01.81. Подписано к печати
18.03.81. А 00349. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40
Учетно-изд. л. 1,49. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 784. Зак. № 136. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И Ленина. 125865. ГСП, Москва А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

В ЭФИРЕ — НОВОСТИ ПЛАНЕТЫ

Четкий прием самых отдаленных радиостанций обеспечат высокая чувствительность и избирательность **все-волнового транзисторного радиоприемника «ОКЕАН-209»**.

Быстро и с большой точностью вы настроите приемник на передачу в любом из восьми диапазонов. Помогут в этом стрелочный индикатор, легко вращающаяся телескопическая антенна, автоподстройка частоты в диапазоне УКВ.

«Океан» работает от сети или от батареек — шести элементов типа «373».

Цена приемника — 136 руб.

ЦКРО «Орбита»